

роны стѣны: выступая изъ-за плоскости ея своими боками, онѣ давали возможность стрѣлять со своихъ боковыхъ частей вдоль стѣны по нападающему непріятелю, котораго такимъ образомъ можно было поражать не только съ лица, но и съ боковъ. Для этого башни обыкновенно помѣщались на углахъ; а если длина стѣны между углами превышала дальность полета стѣлы (около 150 шаговъ), то и въ промежуткѣ между ними, т. е. въ срединѣ стѣны, также возводились башни. Онѣ обыкновенно значительно превышали городскую стѣну и состояли изъ нѣсколькихъ этажей, съ открытою обороною наверху. Средніе этажи также иногда приспособлялись къ оборонѣ, для чего въ нихъ пробивались «стрѣльницы» или «бойницы», т. е. узкія отверстія для стрѣльбы. Кромѣ обороны городовъ, башни служили также для обороны замковъ (см. ст. Замокъ) и для разныхъ иныхъ цѣлей, какъ напр., для содержанія наблюдательныхъ отрядовъ въ завоеванной странѣ, для передачи извѣстій посредствомъ условныхъ знаковъ и пр. Съ введеніемъ огнестрѣльнаго оружія и усовершенствованіемъ артиллеріи Б. замѣнены были бастіонами (см. это сл.). Впослѣдствіи опять были попытки усиленія укрѣпленныхъ пунктовъ башнями, устроенными согласно требованіямъ современной военной науки. Такъ, въ концѣ XVI вѣка Альбрехтъ Дюреръ предлагалъ различныя системы Б., приспособленныя къ огнестрѣльной оборонѣ; потомъ вопросомъ этимъ занимались Паганъ, Монталамберъ, а въ настоящемъ столѣтіи — австрійскій эрцгерцогъ Максимилианъ. Усовершенствованіе и распространеніе нарѣзныхъ орудій породило, въ послѣднее время, устройство башенъ на совершенно новыхъ основаніяхъ. Нынѣшнія Б. металлическія, броненосныя и вращающіяся, устраиваются на особенно важныхъ пунктахъ, гдѣ при обыкновенной системѣ укрѣпленій, по тѣснотѣ мѣста, нельзя доставить орудій желаемой обстрѣль. Первая мысль устройства желѣзныхъ вращающихся Б. принадлежитъ капитану Кользу (1854). Затѣмъ предложено было много разныхъ системъ подобныхъ башенъ, какъ для сухопутной обороны, такъ и для флота. Изъ нихъ въ настоящее время наиболее употребительна система Грюзона. Его Б., цилиндрической формы, имѣетъ въ діаметрѣ до 20 фут. и назначается для 1—2 орудій; верхняя часть ея имѣетъ форму купола. Б. вращается по рельсамъ (система зубчатыхъ колесъ и шестерня) 4-мя человѣками, помѣщаемыми въ особой подбашенной части постройки. Б. окружена землянымъ валомъ, надъ которымъ ей даютъ до 5½ ф. превышенія.

Кромѣ башенъ, замковъ и крѣпостей въ Европѣ находится не мало башенъ, которыя извѣстны своею красотою, положеніемъ или какими либо историческими воспоминаніями. Таковы, напр., Мышиная Б. на срединѣ Рейна, у Бингена, гдѣ съ проходящихъ судовъ собиралась насильственная дань, башня собора св. Стефана въ Вѣнѣ, башня Хиральда въ Севильѣ, башня св. Марва въ Венеціи, съ которой открывается удивительный видъ на весь городъ, наклонная башня въ Цизѣ и наклонныя башни

въ Волонѣ—Азинелла и Гаризенда и, наконецъ, изъ новѣйшихъ—высочайшая въ свѣтѣ, желѣзная Эйфелева башня въ Парижѣ (см. это сл.).

Въ Россіи башни также строились съ незапамятныхъ временъ и упоминаются на первыхъ же страницахъ нашихъ лѣтописей. Первоначально онѣ были несомнѣнно деревянные, такъ какъ всѣ наши крѣпости были тоже деревянные. Форма ихъ была четырехугольная, шестигранная и восьмигранная. Даже въ такую сравнительно позднюю эпоху какъ XVI в. каменныхъ и кирпичныхъ стѣнъ, а слѣдовательно и башенъ было чрезвычайно мало, за исключеніемъ, впрочемъ, монастырей, которые чаще обносились каменными стѣнами. Котошихинъ свидѣтельствуетъ, что при царѣ Алексѣѣ Михайловичѣ было всего только двадцать городовъ, которые имѣли каменные стѣны. Прочіе имѣли укрѣпленія деревянные или земляныя; а нѣкоторые, какъ напр., Ярославль, имѣли деревянные стѣны и кирпичныя башни. Количество башенъ въ городахъ было весьма различно и зависѣло отъ длины стѣны; такъ напр., въ Астрахани было десять башенъ, въ Воронежѣ—семнадцать, въ Архангельскѣ—девять, въ Тотьмѣ—семь и т. д. Вышина, форма и размѣры ихъ были весьма различны даже въ одномъ и томъ же городѣ, какъ это ярко свидѣлствуютъ башни московскаго Кремля и многія лѣтописныя данныя. Иногда онѣ имѣли очень высокія кровли; бывали даже примѣры, что кровля бывала выше самой башни, примѣромъ чего можетъ служить одна башня въ Олонцѣ, которая имѣла пять сажень высоты, а кровля ея шесть саж. Въ планѣ башни рѣдко бывали квадратныя, а больше прямоугольныя, напр., четыре сажени длины и двѣ половиною ширины; наиболѣе обычная мѣра была около трехъ саж. въ длину и двухъ въ ширину. Башни внутри по высотѣ обыкновенно раздѣлялись полами на ярусы или этажи; полы эти назывались «мостами». Ярусовъ бывало обыкновенно три: нижній или «подошвенный», средній и верхній. Въ каждомъ ярусѣ устраивался свой «бой»—въ нижнемъ стрѣляли изъ пушекъ и потому онъ назывался «пушечнымъ», въ верхнихъ двухъ—изъ пищалей и мушкетовъ, а потому они назывались «пищальными» и «мушкетными». Иногда, впрочемъ, бои дѣлались или въ одномъ только среднемъ, или верхнемъ ярусѣ, а прочіе были глухіе. Ходы въ башняхъ были или снаружи или внутри. Названія башенъ были весьма различны и находились въ зависимости отъ ихъ мѣста, назначенія, урочища, надвратнаго образа и пр. и пр. Такъ напр., башни, стоявшія по угламъ, назывались «наугольными», по срединѣ стѣны—«середними»; башни съ воротами—«проѣзжими», «воротными» и «на воротѣхъ»; безъ воротъ—«глухими». «Тайничными» башнями назывались такія, которыя ставились надъ водянымъ «тайникомъ» близъ рѣки; подъ ними устраивался колодезь, имѣвшій скрытое сообщеніе съ рѣкой, или же изъ-подъ нихъ шли подземные ходы со срубами на рѣку длиною иногда болѣе 10 саж. «Водяными» назывались такія, гдѣ былъ выѣздъ къ рѣкѣ; въ московскомъ Кремлѣ была «водовзводная» баш-

ня, въ которой подымали воду изъ Москвы-рѣки въ царскій дворецъ. Въ монастырскихъ оградахъ башни перѣдко назывались по названію службъ въ нихъ помѣщавшихся, каковы напр., «квасоваренная», «пивоваренная» и др. Кромѣ этихъ общихъ названій у башенъ были еще имена собственные, которыя происходили отъ урочищъ, каковы напр. «Воровицкая», «Новинская» и пр. или отъ праздниковъ, образцовъ и церквей, какъ напр. Троицкая, Спасская, Никольская, Константино-Еленинская и пр. Иногда на кровлѣ башенъ устраивались чердаки, клѣтки или караулки для дозора, которыя назывались «вышками», отчего и самыя башни этого вида назывались «вышками». Число проѣзжихъ башенъ зависѣло отъ величины города; въ большихъ—было по нѣскольку, въ московскомъ Кремлѣ напр.—пять, а въ маленькихъ—не меньше двухъ; это дѣлалось очевидно съ тою цѣлью, чтобы гарнизонъ могъ спастись въ одни ворота, когда въ другія врывается сильнѣйшій непріятель; въ противномъ случаѣ онъ былъ бы перебитъ въ тѣхъ самыхъ стѣнахъ, которыя ему служили защитой. Ворота, разумѣется, были самою слабою частью крѣпости и потому особенно сильно укрѣплялись башнями; такъ напр. башни ставились по бокамъ воротъ, мы это видимъ напр. въ Кремлѣ Ростова-Великаго или въ оградѣ Борисоглѣбскаго монастыря Ярославской губ., или же передъ воротной башней устраивался особый, обнесенный зубчатой стѣной дворикъ, на который вели первыя ворота: съ этого дворика подъ башнею въ крѣпость вели вторыя ворота; выгода такого устройства заключалась въ томъ, что прорвавагося черезъ первыя ворота непріятеля можно было перебить на переднемъ дворикѣ съ высоты его стѣны прежде, чѣмъ онъ успѣетъ прорваться черезъ вторыя ворота; примѣрами такого устройства являются Спасская, Никольская и Троицкая башни московскаго Кремля. Иногда передъ воротной башней съ внѣшней стороны крѣпостнаго рва ставилась отдѣльная башня, которая составляла предмостное укрѣпленіе и защищала мостъ, ведшій къ крѣпостнымъ воротамъ. Образцомъ подобныхъ башенъ можетъ служить башня называемая «Кутафью», стоящая противъ Троицкихъ воротъ московскаго Кремля. Ворота въ башняхъ были обыкновенно очень толсты и широки, отчего и самыя воротныя башни были гораздо больше другихъ, напр. имѣли около семи саж. длины и ширины. Ворота эти дѣлались изъ дуба, обивались иногда желѣзомъ и запирались огромными замками и засовами. Въ мирное время ворота не затворялись, а только на ночь опускалась сверху рѣшетка; эти опускающіяся рѣшетчатые ворота помѣщались внутри, на верху воротъ въ особыхъ гнѣздахъ и дѣлались съ тою цѣлью, чтобы ихъ можно было опустить въ рѣшительную минуту и представить неожиданную преграду нападающему непріятелю.

Снаружи башни, подъ воротами, помѣщались обыкновенно образъ святого или праздника, который давалъ названіе башнѣ, иногда же въ крѣпостныхъ башняхъ надъ воротами устраивались маленькія церкви, а въ монастырскихъ оградахъ мы видимъ это почти постоянно. Кромѣ того, на проѣзжихъ

башняхъ помѣщали боевые часы и вѣстовой колоколъ, который назывался иногда «вспокошнымъ», потому что въ него били «вспокохъ» или набатъ и сзывали народъ къ сбору. вмѣстѣ съ вѣстовымъ колоколомъ ставилась также «вѣстовая» пушка, которая служила для разныхъ сигналовъ. На другихъ башняхъ также привѣшивались иногда колокола; въ нихъ звонили во время вылазки для возбужденія отваги или во время отбоя непріятеля.—Въ темныя ночи на башняхъ зажигались надъ воротами свѣчи въ слюдяныхъ фонаряхъ.

Въ старыхъ русскихъ городахъ и монастыряхъ сохранилось, къ счастью, много башенъ, изъ которыхъ многія отличаются въ высшей степени изящными и художественными формами. Первое мѣсто между ними, конечно, занимаютъ по красотѣ башни московскаго Кремля;—затѣмъ слѣдуетъ указать на башни Великаго Новгорода, Ростова Великаго, Ярославля, Нижняго Новгорода, Коломны, Тулы, Зарайска, Смоленска, Пскова и Астрахани; къ числу монастырскихъ оградъ съ наиболѣе красивыми и наилучше сохранившимися башнями можно отнести ограды монастырей—Ново-дѣвичьяго, Донскаго и Симонова въ Москвѣ, Троице-Сергіевыя лавры въ Московской губ., Ипатьевскаго—Костромской губ., Спасо-Евѣмиева—въ Суздаль, Борисо-Глѣбскаго Ярославской губ., Прилуцкаго въ Вологдѣ, Кирилло-Бѣлозерскаго въ Новгородской губ. и Соловецкаго—на Бѣломъ морѣ.

Кромѣ башенъ разныхъ кремлей и монастырей въ Россіи есть не мало башенъ отдѣльно стоящихъ и пользующихся громкою извѣстностью, таковы напр. Сухарева башня въ Москвѣ, извѣстная въ народѣ подъ названіемъ «невѣсты Ивана-Великаго», Меньшикова башня—тамъ-же, Евѣмиева башня въ Новгородѣ, Сумбекина башня въ Казани, Бѣлавинская и Столѣнская башня близъ Холма, Люблинская губ., и Каменецъ-Литовская башня Гродненской губ. Подробнѣе о каждой башнѣ, см. соответствующія слова.

О башняхъ см.—С. Viollet-le Duc, «Dictionnaire raisonné de l'architecture française du XI au XVI siècle» (т. IX, Парижъ, 1875); М. А. de Caumont, «Abécédaire ou rudiment d'archéologie» (Caen, 1870 г.); James Ferguson, «A history of architecture in all countries, from the earliest times to the present day» (Лондонъ, 1874); Николай Костомаровъ, «Очеркъ домашней жизни и нравовъ великорусскаго народа» (глава I, Спб., 1887); Ѳ. Ласковскій; «Матеріалы по исторіи инженернаго искусства въ Россіи.» (Спб., 1858); А. Пузыревскій, «Исторія военнаго искусства въ средніе вѣка» (Спб., 1884); П. Н. Батюшковъ, «Холмская Русь» (стр. 13, 21 п 29); «Матеріалы по археологіи Кавказа» (часть I, Москва, 1888); Н. М. Снегиревъ и А. Мартыновъ, «Русская старина въ памятникахъ церковнаго и гражданскаго зодчества» (Москва, 1852). Кромѣ того много снимковъ русскихъ башенъ можно видѣть въ фотографическихъ альбомахъ И. Барщевскаго, которые имѣются въ Имп. публ. библ. и въ бібліотекѣ академіи художествъ.

Башня верхняя и нижняя—село въ Цѣхановскомъ уѣздѣ въ Галиціи, на раз-

стоянія 1 мили отъ гор. Любачева, въ ровной, низкой, болотистой и лѣсной мѣстности, съ 2497 жителей. Село это памятно въ исторіи по мирному договору, заключенному здѣсь въ 1668 г. между конфедератами и польскимъ правительствомъ.

Башо (франц. *Bachot*)—небольшое судно, лодка. **Башотёръ**—перевозчикъ.

Баштанъ—огородъ, засѣянный дынями или арбузами, на Ю. Россіи; **баштанникъ**—содержатель или владѣлецъ такого огорода.

Баштардъ (тур.)—галера турецкаго морскаго министра (капудан-паши) или султана, съ 26—36 парами веселъ.

Баштецкій (Иосифъ)—современный чешскій писатель, род. 1844 г., редакторъ журнала «*Česká rodina*», авторъ сочиненій: «*Vínek z kvítků sionských*» (1866); «*Zlatá zonka*» (1870); «*Lyra sionská*» (1871); «*Perličky*» (1873); «*Dva náct pisni školních*» (1878); «*Deset pisni ke slavnosti vyročí*» (1878).

Баштина.—Въ Законникѣ сербскаго царя Душана говорится о двухъ родахъ движимаго имущества въ Сербіи, а именно о баштинахъ и купленицахъ. Уже самая этимологія этихъ двухъ словъ указываетъ на ихъ значеніе: именно, первое слово должно обозначать имѣніе наследственное, другое же имѣніе прибрѣтенное посредствомъ покупки. Между тѣмъ ученые, разсматривая цѣлый рядъ статей Законника, старались доказать, что В. обозначала то же самое, что и западно-европейское слово *feudum*, т. е. имѣніе, прибрѣтенное отъ верховной власти. Противъ этого мнѣнія возражаетъ Зигель, который указываетъ на другія статьи Законника, гдѣ говорится о баштинахъ нисшаго духовенства и меропховъ и о баштинахъ вообще, кому бы онѣ ни принадлежали. Правда, что баштина, по Законнику, освобождалась отъ всѣхъ государственныхъ налоговъ и повинностей, кромѣ сока (т. е. *tributum frumentarium*) и военной повинности, заключающейся въ доставленіи государству лошадей и воиновъ. Но и здѣсь мы встрѣчаемъ несогласія: сербскіе ученые относятъ эту статью ко всѣмъ В.—мъ вообще, тогда какъ Зигель находитъ въ источникахъ, нѣкоторые указанія на то, что такой привилегіей пользовались только властельскія баштины, другія же не были свободны и отъ другихъ налоговъ и повинностей, а если и освобождались отъ нихъ иногда, то для этого издавался отдѣльный царскій указъ. Быть можетъ, что и баштины властелей первоначально освобождались отъ государственныхъ налоговъ только въ томъ случаѣ, когда онѣ были жалованы царемъ, но уже до изданія Законника обычай этотъ распространился на всѣ баштины властелей. Память о жалованныхъ грамотахъ, вѣроятно, сохранилась въ томъ параграфѣ Законника, по которому ни царь, ни король, ни царица не имѣютъ права ни у кого взять силою баштину, или купить, или замѣнить ее; это возможно только съ согласія баштинника. Только что названная привилегія во время изданія Законника принадлежала уже всѣмъ баштинамъ вообще. Такимъ образомъ, историческія изслѣдованія указываютъ намъ то же, что и этимологія слова, именно, что В. обозначаетъ недвижимое имущество,

по наследству перешедшее къ настоящему владѣльцу; по тогдашнимъ понятіямъ она была собственностью рода, какъ юридическаго лица, поэтому по старому обычаю баштину нельзя было продавать или замѣнять безъ крайней нужды; въ случаѣ же, если кто куплей увеличилъ баштину, тогда прибрѣтенныя части не сливались въ юридическомъ смыслѣ со всѣмъ имѣніемъ, но могли быть безъ трудностей продаваемы снова или замѣняемы другими (Полиційскій статутъ). Сообразно такому положенію при конфискаціи В.—на достается наследникамъ, такъ какъ она находилась только какъ бы въ завѣдываніи отдѣльной личности, и поэтому она не можетъ быть конфискована за преступленіе хозяина. Въмѣстѣ съ тѣмъ, Законникъ дозволяетъ меропхамъ отдавать въ приданное или дарить церквямъ свои В. наравнѣ съ купленицами. Въ такомъ значеніи сербская В. является учрежденіемъ, которое подъ названіемъ: отчины, отчины, дѣдины существовало у всѣхъ славянскихъ племенъ.

Но кромѣ В., полученной по наследству отъ предковъ, мы знаемъ еще В.—у, жалованную верховною властью властелямъ и духовенству, и такія В.—ы имѣли свои отличительныя черты. Прежде всего, такъ какъ пожалованная земля составляла В. царя или лучше сказать его рода, то послѣ его смерти наследники могли бы ее отнять назадъ. Во избѣжаніе этого дарители обыкновенно оканчивали жалованныя грамоты ниспосланіемъ страшныхъ проклятій на нарушителей ихъ воли. Рѣже владѣльцы, получившіе В.—у, просили подтвержденія грамоты у наследниковъ дарителя, причѣмъ тѣ выступали здѣсь не только какъ верховная власть, но и какъ главы семьи. Жалованныя В.—ы долгое время сохраняли характеръ королевскихъ земель, и по этому для ихъ отчужденія отъ владѣльца необходимо было позволеніе верховной власти; съ теченіемъ времени законъ распространился и на всѣ В.—ы вообще. То же самое надо сказать и о привилегіяхъ, заключающихся въ освобожденіи В.—ы отъ государственныхъ налоговъ; по всей вѣроятности привилегія эта только съ теченіемъ времени распространилась на всѣ В.—ы вообще, раньше же она давалась только пожалованнымъ В.

Такимъ образомъ, по всей вѣроятности, древняя настоящая В. въ древнѣйшей Сербіи составляла *status in statu*, имѣніе, совершенно независимое отъ верховной власти. Потомъ съ теченіемъ времени, быть можетъ подъ влияніемъ византійской провіи (см. это слово) явился смѣшанный типъ, имѣющій нѣчто общее съ одной стороны съ провіей, то есть съ имѣніемъ, даннымъ царемъ во временное пользованіе и зависящимъ отъ дарителя, и съ другой—съ баштиной, т. е. родовымъ неотъемлемымъ имѣніемъ. Этотъ смѣшанный типъ потянулъ за собою и древнюю настоящую баштину и такимъ образомъ изъ этихъ двухъ учреждений во время Душана явилось одно съ смѣшанными характеристическими чертами. Къ вышеупомянутымъ чертамъ, характеризующимъ В.—у, въ противоположность другимъ формамъ владѣнія, можно присовокупить по источникамъ еще нѣкоторыя дру-

гя. Такъ, не смотря на то, что Б. обыкновенно переходила отъ отца къ сыну, существовали тринадцать точно обозначенныхъ закономъ исключительныхъ случаевъ, при которыхъ отецъ могъ лишить своихъ дѣтей наслѣдства въ пользу болѣе далекихъ наслѣдниковъ. Въ случаѣ же если умиралъ бездѣтно какой нибудь баштинникъ, его Б. переходила къ родственникамъ, но не дальше третьей нисходящей степени; если же такихъ не оказывалось, то по всей вѣроятности, Б., дарованная царемъ, возвращалась къ царскимъ же родовымъ имѣніямъ; Б.—уже родовую или постигала та же участь или же съ нею поступали какъ съ выморочнымъ имуществомъ. Б.—у могли имѣть и священники, которые тогда совсѣмъ освобождались отъ государственныхъ повинностей и налоговъ наравнѣ съ властями; когда же у нихъ не было баштинныхъ земель, они надѣлялись извѣстнымъ количествомъ церковной земли. Это относится только къ независимымъ церквамъ, такъ какъ церкви, построенныя въ баштинныхъ помѣстьяхъ частныхъ лицъ, всецѣло принадлежали баштинникамъ и не подлежали власти государственной церкви, такъ что ни царь, ни патриархъ не могли ихъ лишить самостоятельности. Всѣ эти законы и юридическіе обычаи имѣли, конечно, силу только въ мирное время; во время же смутъ и политическаго упадка Сербіи они очень часто нарушались, появился новый принципъ: «сила важнѣ закона», а слова «убьемъ его и возьмемъ его баштину» никакъ не бывали пустою угрозою. Впрочемъ, съ теченіемъ времени и смыслъ самаго слова сталъ, мало по малу, измѣняться: имъ стали обозначать не только помѣстья, но и дома безъ земли, составляющіе наслѣдственную собственность. Кромѣ того этимъ названіемъ обозначалась и задружная земля, т. е. земля задруги (см. это слово), а потомъ и всякое вообще владѣніе или помѣстье безъ обращенія вниманія на то, какимъ путемъ оно было приобрѣтено. О баштинѣ говоритъ Зигель въ сочиненіи: «Законникъ Стефана Душана».

Башуцкій (Александръ Павловичъ) — сынъ петербургск. коменданта, получившаго званіе генерал-адъютанта за услуги, оказанныя 14 дек. 1825 г. Родившись въ 1805 г., Б. получилъ прекрасное образованіе, занимался музыкой и живописью. Съ молодости отличался духомъ предпріимчивости и брался за предпріятія всякаго рода, но всѣ они оканчивались неудачно. Въ 1834 г. онъ предпринялъ изданіе «Панорамы Петербурга», оставшееся неоконченнымъ. Потомъ онъ началъ издавать дѣтскій журналъ, также скоро прекратившійся. Большой успѣхъ имѣлъ основанный имъ «Журналъ общепользныхъ свѣдѣній», но и тотъ подъ его редакціей существовалъ только десять лѣтъ (1837—47). Затѣмъ онъ задумалъ прекрасное изданіе «Наши», съ художественными иллюстраціями, но оно прекратилось черезъ нѣсколько выпусковъ. Пять лѣтъ онъ былъ сотрудникомъ «Отеч. Записокъ» (1839—43), гдѣ помѣщено нѣсколько интересныхъ его статей: «Исторія автоматовъ и андроидъ», «Паровыя машины, желѣзныя дороги и общественныя банки», «Возобновленіе Зимняго двор-

ца», «Неотступное видѣніе» и др. Болѣе извѣстное изъ его беллетристическихъ соч.—«Мѣщанинъ, очеркъ изъ портфеля ученика натурального класса» (2 т., 1840). Въ 1845 г. онъ взялъ на себя редакцію и изданіе «Иллюстрацій», гдѣ помѣстилъ много своихъ статей, но въ 1848 г. передалъ ее Кукольникову. Въ 60-хъ годахъ издавалъ «Журн. иностранной литературы», просуществовавшей три года. Служа въ государственномъ совѣтѣ, при нужденъ былъ выйти въ отставку, въ крупномъ чинѣ, вслѣдствіе растраты суммъ по благотворительнымъ учрежденіямъ. Тогда онъ пошелъ въ монахи, рисовалъ образа и составлялъ душевнеспасительныя брошюры, но оставилъ вскорѣ и это званіе и умеръ въ 1876 г., не оставивъ семейства. Жена его также пошла въ монахини.

Башъ (тур., значить «головы», отсюда—глава, начальникъ)—встрѣчается во многихъ производныхъ словахъ, напр. Б.-богъ (начальникъ христіанскихъ войскъ), Б.-чадиръ—(начальникъ отряда, везущаго палатки и разбивающаго ихъ, когда это представляется нужнымъ). Б.-чаушъ (первый фельдфебель роты, эскадрона или батареи) и др.

Башъ — въ Закавказскомъ краѣ понимается въ смыслѣ старшаго, высшаго, а потому и въ смыслѣ единицы распредѣленія земли. Сколько въ общинѣ имѣется самостоятельныхъ семейныхъ главъ—башей, на столько участковъ и дѣлится земля. О способахъ пользованія общинною землею на Кавказѣ, см. у М. М. Ковалевскаго, «Родовой бытъ на Кавказѣ» (1890).

Башъ-Гейнюкъ — село Елисаветпольской губ. нѣжинскаго у., у подошвы главнаго хребта, при выходѣ р. Шанчай, жит. обоюго пола 5084, исключительно азербейджанскіе татары, магометане-сунниты, дворовъ 652.

Башъ-Кадунъ (тур. значить верховная супруга) — титулъ четырехъ законныхъ женъ султана.

Башъ-Кадухъ-Короса—гора въ Дагестанѣ, близъ границы Дагестана съ телявскимъ уѣздомъ въ Кахетіи.

Башъ-Кадыкларъ—селеніе Карсской области и окр., при р. Маврякъ-чай. Въ сел. 72 двора, 646 жит. обоюго пола, исключительно армянъ-грегоріанъ; памятникъ по сраженію 19 нояб. 1853 г. между русскими и турками. Русскимъ отрядомъ (10 бат., 10 эскадр. драгунъ, 14 сотенъ казаковъ, 1 сотня милиціи, 32 орудія) начальствовалъ кн. Бебутовъ; турецкій же корпусъ, силою въ 36000 чел., при 46 орудіяхъ, состоялъ подъ командою Ахмет-Паши. Не смотря на несоразмѣрность силъ, кн. Бебутовъ, разсчитывая на боевыя качества подчиненныхъ ему старыхъ кавказскихъ войскъ, рѣшился атаковать сильную позицію противника. Сраженіе началось въ полдень артиллерійскимъ огнемъ; а въ 2-мъ часу поведена была частью войскъ атака на право-фланговую 20-ти орудійную турецкую батарею. Первый натискъ русскихъ былъ отраженъ; но затѣмъ, подкрѣпленные частью войскъ изъ резерва, они возобновили атаку, которая на этотъ разъ увѣнчалась полнымъ успѣхомъ. Особенно способствовалъ этому генерал-маіоръ Вагговутъ, стоявшій на лѣвомъ флангѣ русскихъ войскъ

съ 2-мя дивизіонами нижегородскаго драгунскаго полка, 9-ю сотнями линейныхъ казаковъ и 4-мя конными орудіями. Опрокинувъ обходившую насъ непріятельскую конницу, онъ бросился на правое крыло турокъ въ то время, какъ пѣхота атаковала ихъ съ фронта. Одновременный ударъ этотъ произвелъ рѣшительный переворотъ въ сраженіи. Весь правый флангъ и часть центра непріятельской арміи были опрокинуты и 20-ти пушечная батарея захвачена. Противъ центра и праваго фланга русскихъ турки пытались переходить въ наступленіе, но безуспѣшно. Велѣдъ затѣмъ вся линія русскихъ войскъ двинулась впередъ, и въ 3½ ч. бой окончательно прекратился. Непріятель отступилъ въ крайнемъ разстройствѣ, потерявъ свой лагерь, обозъ, 24 орудія и около 6000 чел. выбывшими изъ строя. Съ русской стороны убито 317 и ранено 926 чел. Последствія этой побѣды были весьма важны. Онѣ, въ связи съ побѣдою подъ Ахалцыхомъ (см. это сл.), подняли въ краѣ обаяніе русскихъ и дали имъ возможность спокойно провести зимній періодъ, тѣмъ болѣе, что наступленіе суроваго времени года и недостатокъ жизненныхъ припасовъ совершенно разстроили турецкую анатолийскую армію (Богдановичъ, «Восточная война 1853—56 гг.», I).

Башъ-кей — селеніе, административный центръ хорасанскаго уч. кагызманскаго округа Карсской области, расположено на плодородномъ возвышенномъ плато между р. Араксомъ и Зорабъ-хана. Жители: армяне (158 дв., 673 д. м. и 599 д. ж. пола), курды (15 д. об. пола) и турки (2 д. об. пола).

Башъ-мухтаръ (тур.) — Такъ называютъ старшины сельскихъ обществъ въ батумскомъ, артинскомъ округахъ Кутаисской губ. и въ Карсской области.

Башъ-пули — Такъ называлась на Кавказѣ, въ Нахичеванской провинціи, при персидскомъ владычествѣ, подать съ головы, поголовная или подушная.

Башъ-шурегель — селеніе шурегельскаго уч. карскаго округа Карсской области, невдалекѣ отъ р. Арпачая. Жители — армяне (1038 д. обоюго пола).

Бацалакскіи бѣлки — находятся въ сѣверной части Алтайской горной системы, между продолжными долинами Черыша и Алтай. Гребень В. В. состоитъ изъ гранита, снѣгъ лежитъ долго, но не весь годъ.

Баэль — негрское племя, живущее въ количествѣ 20000 душъ на ЮВ. отъ Тиббу, въ мѣстности, называемой Нахтигалемъ Энеди. Языкъ В. близокъ къ языку жителей Тиббу и Канури.

Баэса — городъ въ Испаніи, имѣетъ 14377 жит., въ провинціи Хаэнь въ Андалузіи, на плоскогоріи Лома де-Убеда (600 мет. надъ мор.), между Гвадалквивиромъ и Гвадали-маромъ, на равнинѣ, покрытой оливковыми плантаціями и виноградниками, въ 5 км. къ З. отъ Убеды, недалеко отъ жел. дор. Мадридъ-Кордова. Уже при римлянахъ городъ, подъ названіемъ Беація, представлялъ значительное поселеніе, о чемъ свидѣлствуютъ многочисленныя надписи. При готахъ городъ былъ резиденціей епископа, при мавританскомъ го-

сподствѣ В. или Виза (Альбухаратъ) особенно процвѣталъ въ качествѣ столицы отдѣльнаго королевства Сейридовъ, населеніе его превышало 150000. Но въ 1244 году городъ взятъ и разрушенъ до основанія кастильцами, а впоследствии отстроенъ по новому плану. В. имѣлъ основанный въ 1533 г. университетъ, пришедшій въ новѣйшее время въ полный упадокъ (теперь—семинарія), и еще нынѣ мрачный и пустынный городъ представляетъ много древнихъ готическихъ храмовъ и монастырей и другіе памятники архитектуры, свидѣтельствующіе о быломъ блескѣ.

Баягантайскій улусъ Якутской области и округа, состоитъ изъ 9 наслеговъ, въ которыхъ по X народной переписи числилось 8637 д. об. пола (4334 м. п. и 4303 ж. п.); наследи расположены по рр. Баягъ, Тандъ, Алдану, Татту и Оймьякану. Народная управа находится въ 1-мъ Игидейскомъ наслегѣ, въ 230 в. отъ г. Якутска, въ этомъ наслегѣ числилось 1367 д. об. п. Въ улусѣ находится Баягантайская Богородская деревянная церковь, сооруженная въ 1741 г. (см. «Памятная книжка Якутской обл.», 1877).

Баядерки (отъ португальск. bailadega, т. е. танцовщица) — такъ называютъ европейцы танцовщицъ и пѣвицъ въ Индіи. Онѣ распадаются на два главн. разряда, съ многочисленными подраздѣленіями. Къ первому классу принадлежатъ посвященныя богамъ и богослуженію, ко второму странствующія танцовщицы. Первые—девадази, т. е. божьи рабыни, подраздѣляются по степенямъ знатности семействъ, изъ которыхъ происходятъ, по степени значенія божества, которому служатъ и по большому или меньшему великолѣпію и значенію храма, на два отдѣла. Къ первому разряду принадлежатъ дочери знатнѣйшихъ семействъ изъ касты Вайсіевъ, къ которой причисляются богатые землевладельцы и купцы, ко второму—дочери болѣе убогихъ лицъ изъ касты судровъ, т. е. ремесленниковъ. Въ разрядъ девадази поступаютъ въ дѣтскомъ возрастѣ, причѣмъ требуется безукоризненное тѣлосложеніе и родители должны торжественно отречься отъ какихъ бы то ни было правъ на свою дочь. Только послѣ такого отреченія дается надлежащее обученіе. Девадази должны воспитываться во время торжественныхъ процессій дѣянія и побѣды божества, которому посвящены, исполнять священные танцы, плести вѣнки, которыми украшаются изображения боговъ и исполнять различныя служебныя обязанности въ храмѣ. Девадази перваго класса живутъ въ стѣнахъ храма и не имѣютъ права выходить изъ своихъ помѣщеній, безъ согласія старшаго жреца. Онѣ могутъ оставаться дѣвственницами всю свою жизнь, но имъ разрѣшается избирать любовника какъ въ храмѣ, такъ и за его предѣлами, подлѣ условіемъ принадлежности его къ высшимъ сословіямъ. Связь съ челоукомъ нисшаго происхожденія строго наказывается. Дѣти ихъ, если это дѣвочки, воспитываются для того же ремесла, мальчики дѣлаются музыкантами. Девадази втораго разряда мало отличаются отъ первыхъ, съ тою разницею, что болѣе свободны, такъ какъ живутъ внѣ пре-